

НРОО «Гильдия молодых библиотекарей»

Без них Россия
была бы другой

Афанасий Лаврентьевич
Ордин-Нащокин
(1605-1680)

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605-1680)

При царе Алексее Михайловиче в XVII в. самой значительной фигурой среди государственных людей, выдающимся дипломатом был не такой уж родовитый Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Иностранные послы называли его наихитрейшей лисицей, а шведы присвоили звание русского Ришелье, что само по себе говорит о многом. Он, как и французский кардинал, достиг вершин власти, практически управлял государством, имел развитый политический ум, способный наблюдать, понимать и направлять общественные движения. До появления на политической арене России Ордина-Нащокина государственных людей такого масштаба и уровня еще не было. XVII век породил новые времена — начинался спрос на ум, волю, личные силы государевых людей, на их преобразовательную деятельность. И Афанасий Лаврентьевич стал наиболее энергичным деятелем той эпохи. Личный врач царя Алексея Михайловича, англичанин Коллинз, изумленно назвал Ордина-Нащокина великим политиком, который не уступит ни одному из европейских министров. И, любя свое дело, любя дипломатию, Афанасий Лаврентьевич не без гордости называл ее главнейшей функцией государственного управления, основой основ, где могут вершить дела лишь самые достойные, преданные своему Отечеству люди. Таким был и он сам — дипломат первой величины.

Ордин-Нащокин интересен еще и тем, что, по существу, он опередил свое время, подготовил реформы Петра. Своими идеями и планами он проторил путь этому царю-преобразователю.

Родился Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин около 1605 г. в пригороде Пскова Опочке, в семье скромного помещика. Здесь ютилось целое гнездо Нащокиных, родоначальником которых был служилый человек при московском дворе XVI в. Семейное родословное предание гласит, что дворянский род Нащокиных пошёл от герцога Велички, выехавшего будто бы из Италии на Русь служить великому князю тверскому Александру Михайловичу. Он крестился, получил имя Дмитрия и прозвище Красный. Сын его, тверской боярин Дмитрий Дмитриевич, получил ранение в щёку во время восстания жителей Твери против ханского баскака Чол-хана в 1327 г.: отсюда пошло прозвище Нащока, которое, как исстари водилось довольно часто, стало его фамилией. Нащокин вскоре выехал из Твери в Москву к великому князю Симеону Ивановичу Гордому. Появление двойной фамилии связано с прозвищем Орда у Андрея Филипповича Нащокина, убитого в сражении под Оршей в 1514 году.

Думских чинов (их было четыре: боярин, окольничий, думный дворянин, думный дьяк) Ордины-Нащокины почти не достигали. Честь стать боярином выпала только одному из Нащокиных — Афанасию. А его двоюродный брат Богдан Иванович был думным дворянином. Но после них род захудал и к концу следующего столетия

Герб рода Нащокиных

совсем угас. Молодой Афанасий даже не числился по московскому списку, откуда правительство преимущественно черпало кадры на замещение низших военных и административных должностей. Но тем завидней тяга юного Афанасия к знаниям, к чтению книг. Местный священник научил его грамоте. Близость нащокинских владений к западной границе естественно приводила к общению с иноземцами, знакомству с западными идеями, и отец будущего дипломата изыскал возможность для обучения сына не только простой грамоте, но и латинскому и немецкому языкам, математике. Впоследствии Афанасий обучился польскому, литовскому, молдавскому и шведскому наречиям. До конца дней своих любил он книги, эти, по его словам, «сокровища, очищающие душу»; знаком был не только с церковными, но и светскими сочинениями, например, по истории философии; как один из наиболее образованных представителей придворной знати, имел большую библиотеку. Ко всему этому следует добавить острую наблюдательность, тягу к восприятию нового, неизвестного, стремление узнать и внедрить то лучшее, что имелось в более передовых странах Запада. И друзья, и враги отдавали дань его уму и государственным способностям. Он был, как писал В.О.Ключевский, «говорун и бойкое перо», обладал тонким, острым умом.

Уже в пятнадцать лет Афанасий был записан в Псковский полк на государеву службу. В начале 30-х годов Ордин женился на дочери Василия Колобова, псковского помещика, и окончательно перебрался из Опочки в Псков. В его богатом доме часто бывали иноземные купцы. Рачительный хозяин продавал им хлеб и пеньку, слушал рассказы о заморских странах. Карьера его успешно продвигалась; цепкий ум, образованность, трудолюбие были отмечены начальством. Его оценили псковские воеводы, при которых он стал своего рода доверенным лицом. Но Псков не Москва, все основные дела вершились там, в столице. Молодой дворянин поехал в главный российский город, где он был принят и обласкан в доме очень влиятельного Ф.И. Шереметева, наперсника и ближнего друга царя Михаила. Царь Михаил Фёдорович довольно быстро обратил внимание на яркую личность, ознакомившись с несколькими его «аналитическими работами» по истории и военному делу. Одна из них – о военно-политическом положении Российского государства – пришлась самодержцу особенно по душе, поскольку в ней впервые была чётко сформулирована мысль о том, что Россия должна идти к международному признанию самостоятельным путём, используя, в первую очередь, свою мудрость и свой исторический опыт. И вот первое важное поручение Ордину-Нащокину, положившее начало его дипломатической службе.

В 1642 г. провинциального дворянина направляют на шведскую границу со специальной миссией: «для разводу по реке Меузице и Пижве российских, шведами захваченных земель и сенных покосов». Это может показаться малозначительным фактом в биографии будущего великого дипломата, но пограничная комиссия Ордина-Нащокина смогла во время переговоров вернуть России спорные земли, причем сам Афанасий Лаврентьевич дни и ночи проводил в изучении писцовых и переписных книг, лично опрашивал местных жителей, борясь за каждый клочок земли. Шведские комиссары, оценившие обходительность и любезность русского уполномоченного (он пригласил их в гости в своё печерское имение), убедились в

том, что имеют дело с подготовленным и серьёзным, настойчивым дипломатом. За первым успешно выполненным заданием последовало другое: в том же 1642 г. он выехал в город Яссу, столицу Молдавии. К этому времени сильно обострились русско-турецкие и русско-крымские отношения. Важно было узнать, не готовятся ли совместные действия против России, не собираются ли турки привлечь на свою сторону еще и Польшу. Ордину-Нащокину здесь предстояло действовать не столько как дипломату, сколько как разведчику. Царский посланник и его спутник, выдавая себя за паломников, которых тогда немало шло к святым местам, благополучно прибыли в Молдавию. Афанасий Лаврентьевич вошел в дружеский контакт с господарем Молдавии Василием Лупу, стал собирать нужную информацию. Нужно было скрывать истинный характер миссии Ордина-Нащокина, за которым внимательно следили турецкие и польские наблюдатели, поэтому он выступал в Яссах в роли не посла, а человека, перешедшего на службу к молдавскому господарю. Не столько богатые подарки (серебро, шкурки соболей и черно-бурых лисиц), общепринятые в те времена во всех странах, сколько тактичность, обходительность, красноречие, истинное убеждение Нащокина в необходимости укрепления традиционных дружеских отношений молдавского и русского народов, доброжелательная позиция господаря по отношению к Москве быстро привели к тому, что Афанасий Лаврентьевич завоевал полное доверие правителя. Он сопровождал его в поездках по стране, в том числе вдоль её границ. В поле зрения Нащокина находились все действия польских резидентов в Бахчисарае и Стамбуле, он следил за военными приготовлениями турецкого правительства, изучал обстановку в Крыму, знал, о чем говорят и даже думают литовские послы. В сборе информации ему помогали греческие монахи и странствующие русские и молдавские купцы. Итогом этой миссии явилась верная оценка дел на всём южном направлении, а также заключение в 1643 г. мирного договора между Россией и Турцией. Кроме того, произошло и сближение между Молдавией и Россией.

По возвращении, не получив никаких наград за молдавскую поездку, не ужившись с московской знатью, Афанасий Лаврентьевич уезжает в Псков. Вероятно, столичные вельможи не сочли нужным как-то поощрять сравнительного молодого (ему не исполнилось и 40 лет) и, главное, непородного дворянина-провинциала. В Пскове он занимается сбытом за границу древесины и поташа.

В 1644 году о нём вспоминают и перебрасывают на западную границу. Здесь Ордин-Нащокин вновь действует как дипломат-разведчик: ему нужно выяснить, не готовится ли польско-датское вторжение в Россию, какова тут обстановка, какие настроения. Аналитический ум подсказывает, что ни Польша, ни Литва, ни Дания, ни Швеция к войне с Россией не готовы, у них самих идет внутренняя перебранка и смута. Донесения Афанасия Лаврентьевича летят в Москву, а там в это время происходит смена власти. Умер царь Михаил, и престол занимает его сын Алексей, прозванный впоследствии Тишайшим. Молодой государь отстраняет от управления покровителя Ордина-Нащокина — боярина Шереметева — и заменяет его Б.И. Морозовым. Значит, рушится и карьера молодого дипломата, уже немало сделавшего для России. Ордину-Нащокину приходится возвращаться в свое псковское поместье и коротать долгих пять лет, находясь в полном расцвете сил. Там его и

застал мятеж 1650 года, причиной которого была спекуляция хлебом. В Москве решили совершить своеобразную «бартерную сделку» со шведами при выкупе пленных россиян. Нам – пленных, им – хлеб. Псковские хлеботорговцы, прослышав про такую комбинацию, немедленно взвинтили цены на зерно, и от этого начало страдать население, которое и взялось за оружие. Ордин-Нащокин через своих личных друзей попытался остудить страсти, но не смог: бунт разрастался в восстание. И всё же его изворотливый ум нашёл выход из положения. Чтобы выиграть время, прибывший в Псков Афанасий Лаврентьевич предложил бунтарям писать челобитную царю Алексею Михайловичу, которую он обещал тут же доставить адресату. Послание Нащокин повёз в Москву, предложил царю план умирения бунта по методу «кнута и пряника», дождался московских полков и навел в Пскове порядок. Это позволило ему вновь вернуться на государеву службу.

Следуют новые назначения в различных ипостасях. В 1652 году он назначен в межевую комиссию для обсуждения со шведами спорных территорий. Участвовал в штурме Витебска (1654), в походе и осаде Динабурга (1655). С 1654 г. Нащокин – воевода небольшого городка Друи на границе со Швецией. Затем с малыми силами сторожит московскую границу со стороны Литвы и Ливонии. Ведет переговоры с жителями Риги о переходе их в русское подданство. Добивается согласия рижского герцога помогать России и подписывает договор о дружбе и союзе с Курляндией. Провел успешные переговоры с Бранденбургом по Рижскому договору (по нему курфюрст бранденбургский обязывался за себя и своих преемников не поддерживать ни войском, ни деньгами Швецию и Польшу в их войнах с Россией).

Поле его деятельности в те годы огромно: он ведет переписку с французскими агентами в Польше, принимает в Москве австрийского посла Майерберга, завязывает торговые отношения с германскими городами, участвует в военных действиях со Швецией. За распорядительность и инициативу Ордин получил высокое назначение воеводой в Кокнес (Кокенгузен, Кукенос) с подчинением территории Лифляндии с девятнадцатью уездами. Именно тогда он сделал попытку превратить два подвластных ему города – Кокнес и Резекне (Речицу) – в значительные торговые центры. В Кокнесе распорядился создать денежный двор. Чеканил русские деньги, участвовал в финансовых операциях в пользу казны.

Нащокин всемерно заботился о стратегическом укреплении подведомственного ему района, повышении боеспособности воинских сил. В переписке с царём воевода изложил стройную программу перестройки системы комплектования и управления армии. В частности, вместо ополчения дворян, прибывавших в армию по мере надобности со своей экипировкой и своими людьми, предлагалось расширить «строительство» новых солдатских и рейтарских полков путём набора на определённый срок «даточных людей» из низших слоёв населения, зачислявшихся на «государево жалование». Существенная роль отводилась комплектованию и обучению стрелецкого войска, привлечение в качестве учителей иноземных офицеров с полей недавно окончившейся Тридцатилетней войны. По намеченному Ординым пути впоследствии, при Петре I, пошла военная реформа (была введена рекрутская повинность и иностранцы привлечены к обучению солдат).

Политика Ордина имела глубокий экономический смысл и тонкий политический

расчёт. Он стремился утвердить среди латышей добрые отношения к России, считая, что «плохой мир лучше доброй ссоры». Мудрый администратор возвращал населению несправедливо изъятое имущество, сохранял городское самоуправление по образцу магдебургского права. Всемерно поддерживал горожан, в основном торговцев и ремесленников, именно здесь он применял на практике свои экономические взгляды, в концентрированном виде оформившиеся позднее в Новоторговом уставе.

Своим трудолюбием он настолько выделялся среди царского окружения, что Алексей Михайлович специально отмечал это качество в своих похвальных грамотах. Он у него «трудолюбец» и «государеву делу желатель».

Ордин-Нащокин смотрит далеко вперед. В те годы он выработал свою внешнеполитическую программу. Он понимал, что России необходимы «морские пристани» на Балтике. И в этом он также предвосхитил действия Петра.

В 1658 г. царь Алексей возвел Ордина-Нащокина в звание думного дворянина, написав в грамоте: «Побаловали, великий государь, тебя, Афанасий, за твои к нам многие службы и радение, что ты, помня бога и его святые заповеди, алчных кормишь, жаждущих поишь, нагих одеваешь, странных в кроны вводишь, больных посещаешь, в темницы приходишь...» И в заключение: «Ты о наших делах радеешь мужественно и храбро и до ратных людей ласков, а ворах не спускаешь и против шведского короля славных городов стоишь с нашими людьми смелым сердцем». Сам же Афанасий Лаврентьевич чуть позже отвечал царю так: «Перед всеми людьми за твое государево дело никто так не возненавижен, как я». Почему так? Ордин-Нащокин, несмотря на все свои карьерные успехи, все равно был чужим среди московского служебного люда, а каждый его шаг увеличивал число врагов. Возвышение Ордина-Нащокина, ставшего волей царя первым лицом в завоёванной части Ливонии, его деловитость, активность, распорядительность настроили против него многих из тех, кто не мог примириться, что человек, в сравнении с ними незнатный, худородный, вошёл в такую силу, в доверие у Алексея Михайловича, благодаря личным талантам и заслугам. Нащокин в письмах царю жалуется на воевод, сетует на отсутствие помощи с их стороны, на обиды местному населению, которые чинят служилые люди и казаки. Конечно, характер у него был тяжёлый. Чего стоит эпизод с сыном, который за притеснение латышского населения в назидание другим был нещадно бит по распоряжению отца кнутом. Понятно, каково было общаться с этим ярким приверженцем порядка, ни для кого не делавшим исключения.

Ордин-Нащокин по своему уровню, по замыслам и делам заметно отличался от большинства политических деятелей тогдашней России, и они не простили ему ни его жалобы на их косность и нерасторопность, ни возвышение. Быстро последовали неприязнь, наветы, наговоры. Известный князь И.А. Хованский, человек удалой, безоглядно храбрый, но как полководец мало способный, стал одним из самых яростных его ненавистников, хотя подчиняясь государевой воле, служил с ним, отдавая должное уму и способностям Нащокина. Однако не упускал случая, чтобы унижить его лично и воспрепятствовать осуществлению его планов. При этом он даже не пытался разобраться в них. Достаточно того, что они исходили от Ордина-Нащокина. Его неприязнь дошла до того, что он однажды направил стрельца в

Печерский монастырь, куда приехал Нащокин, чтобы там его убить. Не жаловали его и другие знатные и влиятельные люди. «У нас, — писал он, — любят дело или ненавидят его, смотря не по делу, а по человеку который его делает: меня не любят, а потому и делом моим пренебрегают». Но воевода упорно продолжал обличать интриги против себя, надеясь на царское заступничество и ссылаясь на свою правоту и искренне желая делать то, что нужно и полезно государю и государству.

А его впереди ожидали новые свершения и большие дела.

В 1658 г. Ордин-Нащокин был уполномочен царем на ведение секретных переговоров со шведами в небольшом городке Валиесаре близ Нарвы. Он должен был «у шведов выговорить в нашу сторону корабельные пристани и от тех пристаней для проезда к Кореле и реке Неве город Орешек... и иные места, которые пристойны». Инструкции царя Ордин-Нащокин выполнил с блеском. Было заключено Валиесарское перемирие, превзошедшее все ожидания, — России фактически предоставлялся доступ к Балтийскому морю; кроме того, сохранялись все завоеванные земли в Восточной Прибалтике. В договоре было записано: «На обе стороны войне и задорам не быть, а быть тишине и покою». Правда, два года спустя перемирие это было нарушено, но по вине шведов. В 1660 г., в связи со смертью короля Карла X, шведские послы отказались от условий договора.

В 1665 г. Нащокин был пожалован в окольничие и назначен воеводой в Псков. Вообще-то в Московском государстве не принято было назначать воеводу в родные места, но для Нащокина сделали единственное исключение. Там он взялся за реформу городского управления, предусматривающую расширение прав посадского населения и ограничение административного произвола. С участием воеводы посадские люди разработали «статьи о градском устроении» (17 статей), согласно которым всеми городскими делами, связанными с жизнью торгово-ремесленного населения (управление, суд, сбор налогов, торговля) должны были ведать выбранные из посада люди, периодически сменявшиеся. Только важнейшие уголовные преступления, измена, разбой, душегубство оставались в ведении воеводы. С целью налаживания взаимопомощи в торговых делах создавались своего рода купеческие товарищества. Эти предложения «маломочные» псковитяне приняли с готовностью. Но богатые купцы выступили против. Их поддержали московские бояре. Все они не хотели выпускать из своих рук полный контроль над городскими делами, возможности для личного обогащения. Всего восемь месяцев воеводствовал Нащокин в Пскове, но за это короткое время всколыхнул всё местное общество, заставил поволноваться вельмож из московской верхушки. Острая борьба вокруг реформы в самом Пскове, опасения властей, что и в других городах появятся такие же замыслы и начнутся всякие неурядицы, волнения, — всё это заставило Москву бить отбой начинаниям Нащокина. Его отзывают в Москву и привлекают к активной дипломатической деятельности в качестве «великого и полномочного посла». Нащокин направляется на переговоры с польскими уполномоченными для подготовки Андрусовского соглашения.

Афанасий Лаврентьевич развил союз с Польшей в целую систему. Вековая борьба с этим государством должна была приостановиться надолго. В записке, поданной царю, Ордин-Нащокин тремя соображениями доказывал необходимость данного

союза. Во-первых, можно будет покровительствовать православным в Польше; во-вторых, удержать казаков от войны с Россией по наущению хана и шведов; в-третьих, молдаване и валахи «отпадут от турок, и тогда от самого Дуная составитя цельный и многочисленный христианский народ, дети одной матери, православной церкви».

Конечно, Ордин-Нащокин понимал, что поляки — «зело шаткий, бездушный и непостоянный народ», но от союза с ними ждал самых разнообразных выгод. Польских послов он с воодушевлением убеждал, какой великой славой покрылись бы все славянские народы, и какие великие предприятия увенчались бы успехом, если бы «племена, населяющие наши государства и почти все говорящие по-славянски от Адриатического моря до Северного океана, соединились, и какая слава ожидает оба государства в будущем, когда они, стоя во главе славянских народов, соединятся под одною державою!».

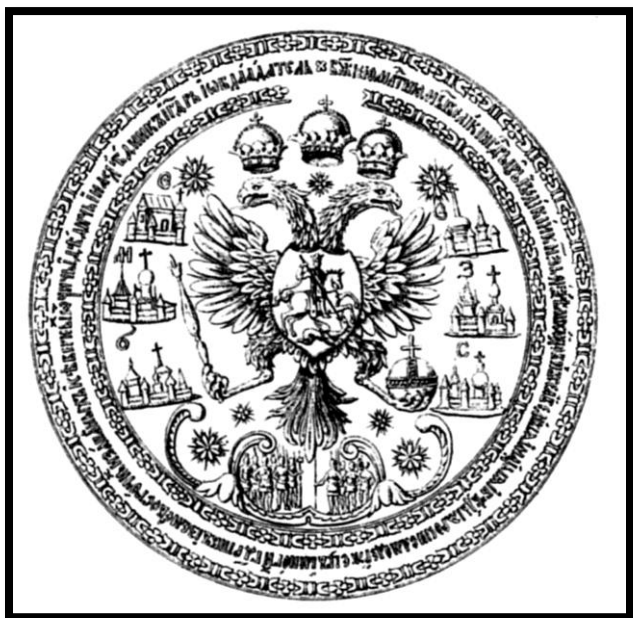
Герб Ордина

Хлопоча о тесном союзе с вековым врагом и даже мечтая о династическом соединении с Польшей под властью московского царя, Ордин-Нащокин совершал весьма крутой поворот во внешней политике государства. И он был одним из тех редких дипломатов, обладающих совестливостью — качеством, которое в большой политике весьма редко встречается. Он ничего не хотел делать без правды: «Лучше воистину принять злomu животу моему конец и вовеки свободну быть, нежели противно правды делати». Вот почему, когда гетман Дорошенко с Западной Малороссией, «отложившись от Польши», присягнул турецкому султану, а потом вдруг изъявил согласие стать «под высокую руку царя

московского», Ордин-Нащокин в ответ на запрос из Москвы, можно ли принять Дорошенко в подданство, гневно и решительно возражал. Конечно, помыслы о соединении всех славян (о чем мечтал еще князь Станислав) были своего рода политической мечтой Ордина-Нащокина, но союз с Польшей всё же был заключен, причем от Афанасия Лаврентьевича потребовались гигантские дипломатические усилия, твердость, хладнокровие. Период с сентября по ноябрь 1666 года характеризуется сильнейшими дипломатическими атаками поляков, которые стали добиваться возвращения всей Литвы, Белоруссии и Украины. Но руководитель русской делегации твёрдо заявил, что «царь не пойдёт на уступку Украины». Переговоры не раз оказывались на грани срыва ввиду упорства польских комиссаров. Последние уже собирались покинуть Андрусово, угрожая продолжением войны. Положение русской делегации становилось критическим. В отчёте в Москву Ордин-Нащокин аргументировано советовал царю не допустить разрыва и принять польские условия. В последних числах декабря от имени царя полякам был уступлен Динабург. К концу года внешнеполитическое положение Речи Посполитой изменилось и польские представители стали уступчивей. Андрусовский мир 1667 года подвел итог длительной русско-польской войне, начатой в 1664 г. из-за земель, захваченных Польшей в 1607-1611 гг., и из-за воссоединения Украины с Россией, с чем Польша примириться не хотела, предоставил Московскому государству давно желанную

передышку. Ордин-Нащокин сумел вытянуть у поляков не только Смоленскую и Северскую земли, но и восточную Малороссию с Киевом. Это принесло ему громкую славу. Москва с восторгом встретила посольский кортеж Ордина-Нащокина. По свидетельству историков, весь царский двор собрался в Дорогомиловской слободе, чтобы чествовать триумфатора. Во многие страны (Данию, Англию, Испанию, Персию, Турцию, Крым, Швецию и др.) были направлены русские послы с «объявительными грамотами» о заключении Андрусовского перемирия, что явило всему миру силу русской дипломатии.

Ордин-Нащокин был пожалован царем Алексеем в бояре, получил также 500 крестьянских дворов в Костромском уезде, вотчину в Порецкой волости под Смоленском с пристанью на реке Касыле, 500-рублёвый боярский оклад и атласную шубу на соболях. По специальному указу царя Афанасий Лаврентьевич был назначен главным управителем Посольского приказа в звании «Царственных и государственных посольских дел боярина», то есть стал государственным канцлером. На современном языке это сопоставимо с должностью министра страны. Летом того же года руководитель Посольского приказа разработал и образец новой государственной печати, после утверждения которого получил титул «царской большой печати и государственных посольских дел оберегателя».

Большая царская печать

На вершине своей дипломатической, государственной карьеры Ордин-Нащокин занимается многими важными делами, прежде всего по внешнеполитическому ведомству, поскольку среди украинской старшины нашлись противники Андрусовского перемирия, сторонники Польши и Турции. Нащокин составляет от имени царя послание, которое распространяется среди населения Левобережной Украины для разъяснения значимости достигнутых договорённостей.

Проблема Украины и других земель, прекращения войны с Польшей была, наконец, решена, и очень успешно. Благодаря непрерывному труду, уму и

таланту Ордин-Нащокин достиг очень многого и тем приобрёл широкую известность в России и за рубежом. Слава его как дипломата-миротворца далеко превзошла его известность как полкового воеводы. «Оберегатель», или канцлер, как его называют иностранцы, вышел на широкое поприще государственной деятельности. Помимо Посольского, в его ведение передают приказы Смоленский и Малороссийский (управлявшие новоприсоединёнными землями), Новгородскую, Галицкую и Владимирские чети (собирали налоги с определённых территорий), Полоняничный приказ (выкуп пленных) и некоторые другие. В результате, он сосредоточил в своих руках не только внешнюю политику России, но и ее внутреннее управление.

В бытность лифляндским воеводой Ордин-Нащокин пытался организовать

постройку кораблей: кое-что было сделано, но в целом из этой затеи ничего не получилось – помешали условия Кардисского договора. Теперь он снова возвращается к этой мысли. По указу государя в селе Дединово Коломенского уезда организуют верфь и на ней делают корабли, чтобы потом можно было их посылать по разным надобностям. Пригласили нужных мастеров из-за границы, под контролем «оберегателя» поставили железо, древесину. К сентябрю 1668 года изготовили корабль «Орёл», яхту, два шлюпа и бот. Впрочем, вся флотилия, переправленная на Волгу, погибла во время Разинского восстания.

Афанасий Лаврентьевич занимался «преобразованием русских законов и новым преобразованием всего государства». И в этой связи нельзя не упомянуть Новоторговый устав, инициатива создания и общая редакция которого принадлежат Ордину-Нащокину. Его несомненной заслугой является стремление установить в общих масштабах для всей страны твёрдые нормы взаимоотношений с иностранными купцами, а также оказать покровительство отечественным торговым людям. Устав говорит о правах и обязанностях выборных из «лучших людей» купцов, регулирует порядок торговли, унифицирует сбор пошлин (множество мелких пошлин заменяет одним сбором с рубля). Устав поощряет привоз в Россию иностранной монеты, стремится оградить купцов от произвола воевод. Для защиты их интересов организуется специальный Приказ купеческих дел, ведавший судом и расправой в купеческом сословии. Устав 1667 года положил начало устройству торговых дворов для беспрепятственной торговли, определял безопасный путь в Москву для среднеазиатских купцов. Ордин дал распоряжение ввести контроль за тульскими и каширскими оружейными заводами, поскольку они находились в ведении гамбургского предпринимателя П. Марселиса. Он стремился поставить преграду утечке прибылей за рубеж. Наконец, в Уставе говорилось о купеческих компаниях, которые предвосхитили петровские кумпанства.

Ограничивая обременительную воеводскую власть, Афанасий Лаврентьевич наметил вехи, по которым пошло преобразование местного управления, завершённое Петром I.

В какую бы сферу деятельности ни попадал Ордин-Нащокин, он подвергал суровой критике установившиеся в ней порядки и давал ясный план коренных преобразований. Чего бы ни задумывалось нового в Москве — заведение ополчения пеших и конных даточных людей, даже просто разведение красивых садов с выписанными из-за границы деревьями и садами, — при всяком новом деле стоял Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Одно время по Москве ходили слухи, будто он даже занимается пересмотром законов, перестройкой государства в смысле ослабления столичной приказной опеки над местным самоуправлением. Можно лишь пожалеть о том, что ему не удалось сделать все, что им было задумано. Его неуступчивый и порою строптивый характер положил преждевременный конец его государственной деятельности. Ведь Ордину-Нащокину порой действительно не хватало гибкости и уступчивости в отношении придворных кругов. Для него детально выписанные посольские и воеводские указы, от которых нельзя ни на шаг отступить, - что колодки на ногах. В отстаивании такой позиции не меньше реформаторства, чем в создании почты или реорганизации посольской службы. Во времена Афанасия

Лаврентьевича за этим стояла смена принципов и стиля управления.

Ордин-Нащокин ввел много изменений в работу Посольского приказа. Кадровый аппарат Посольского приказа при Афанасии Лаврентьевиче практически удвоился. Причём он лично подбирал надёжных людей, способных и обаятельных, умевших в личных беседах с иностранцами так ставить вопросы, чтобы на основе ответов можно было загодя составить информацию государю, до того как иностранный посол был принят в Кремле российским монархом.

При Ордине иностранцев стали принимать в столичном здании Посольского приказа (в Кремле, напротив Архангельского собора). Комнату для их приемов обили красным сукном, украсили росписью — все это положило начало складыванию дипломатического этикета в России. Ордин, знавший языки, способствовал активизации дипломатических контактов, отправлял за рубеж всё новые посольства, надеялся на организацию представительств в Польше, Испании, Франции, Италии. Именно благодаря ему, в России начало действовать почтовое сообщение («великое государственное соединительное дело»), налажены пути почтовой службы с Украиной, Польшей и Германией. При Ордине был составлен и первый в России Почтовый устав.

Афанасий Лаврентьевич увеличил число переводчиков и начал перевод иностранных газет и вестовых писем, из которых составлялись сводные выписки — «Куранты». Они переписывались от руки всего в нескольких экземплярах для царя и бояр, но доходили и до купцов Архангельска и Ярославля. Эти рукописные листки стали предшественниками печатных газет.

Особенно удачлив оказался Ордин в налаживании связей с Востоком. Только вывоз товаров через Астрахань доставил казне прибыль на миллион серебряных рублей. Укреплялись связи России с княжествами Средней Азии, Арменией, Персией, Монголией и Китаем, снаряжалось посольство в Индию. Он установил через перевод векселей заграничный денежный курс для России, то есть осуществил конвертируемость рубля, заключил договор с «Армянской компанией» о торговле шёлком-сырцом через Россию.

Профинансированные Посольским приказом землепроходцы осваивали Сибирь и Дальний Восток, Нащокин помышлял об организации регулярного казацкого войска в Приамурье.

Но на первом плане оставалась главная задача — Балтийское море. Он хорошо понимал политическое, торговое и культурное значение этого моря для России. Составить новую коалицию против Швеции, отнять у нее Ливонию — это было заветной мечтой Ордина-Нащокина, составляло душу его дипломатического плана.

Он настойчиво подчёркивал значение российского Министерства иностранных дел: «Посольский приказ есть око всей великой России как для государственной превысокой чести, вкупе и здоровья, так промысел имея со всех сторон и неотступное с боязнью Божию попечение».

Однако руководитель Посольского приказа недолго купался в лучах монаршей милости. Кто-то из завистливых придворных сумел убедить российского государя в том, что Ордин-Нащокин «уж больно рьяно и подозрительно» старается замиритесь с Речью Посполитой в ущерб сношениям с другими государствами. Да и царя стали все

больше и больше раздражать слишком независимые и самостоятельные решения Ордина-Нащокина. Его частые просьбы об отставке были единственным средством воздействия канцлера на государя. И однажды эта отставка была принята. В присутствии всех своих приближённых царь зачитал указ, в котором говорилось, что он принимает отставку А.Л. Ордина-Нащокина и «освобождает его явно от всей мирской суеты». В 1672 г. Ордин-Нащокин уезжает из Москвы, увозя большой личный архив, посольские книги и горечь в душе от незаслуженных обид. Возможно, под влиянием всего этого Афанасий Лаврентьевич ушел в монастырь и был пострижен в Крыпецкой пустыни в 60 километрах от Пскова в монахи под именем Антония.

*А.Л. Ордин-Нащокин (в центре слева)
на памятнике "Тысячелетие России" в
Великом Новгороде*

Спустя несколько лет, в 1676-1678 годах, инок Антоний направил царю Фёдору Алексеевичу две автобиографические записки и челобитную с изложением своих внешнеполитических взглядов. В 1679 году Москва ожидала польских послов. В стране не было лучшего знатока польских реалий, и царь прислал за Ординым верных людей, приказав им облачить бывшего канцлера снова в боярское платье и доставить в Москву для участия в переговорах с польскими послами. Однако главную роль в решении вопросов внешней политики в ближней думе нового царя играли отец и сын Одоевские, старые недоброжелатели бывшего дипломата. Они с неодобрением встречали все предложения Афанасия Лаврентьевича. Так что, несмотря на возвращение Антония в Москву, идеи его оказались не востребованными. Сказалось, в частности, и то, что, оторвавшись от дипломатической жизни,

инок не учитывал реальной обстановки, оставаясь на прежних позициях. В октябре 1679 года его отстранили от переговоров, и он уехал в Псков. Последние мирские заботы инок были сосредоточены на устроенной им в Пскове богадельне. Так несколько неожиданно завершилась незаурядная служебная карьера одного из самых талантливых и искусных руководителей «царственных и государственных посольских дел». Умер Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин в 1680 г. в возрасте 74 лет, а идеи его, полупонятные и полупризнанные современниками, добрались до иного времени — эпохи Петра Великого. Имя Ордина-Нащокина увековечено на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде среди имён великих деятелей Русской истории.

ИСТОЧНИКИ:

- Андреев И. «Преждевременный человек», или Судьба реформатора в России / И. Андреев // Знание-сила. - 2000. – N3. – С. 94-100.
- Буганов В.И. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин / В.И. Буганов // Вопросы истории. – 1996. – N3. - С. 60-81.
- Герб Ордина [Электронный ресурс] // Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи). – Электрон. дан. - Режим доступа: <http://www.gerbroda.ru/arms/2244.html>. - Загл. с экрана. – (Дата обращения 20.03.2012).
- Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В.О. Ключевский. – Москва: Правда, 1991. – 624 с.
- Очерки истории российской внешней разведки. В 6 т. Т. 1. От древнейших времён до 1917 года. – Москва: Международные отношения, 1999. – 240 с.
- Постников А.Б. Добрый человек старой Руси А.Л. Ордин-Нащокин: его иноческое житие и благотворительная деятельность в Пскове в 1670-е годы / А.Б. Постников. - Псков, 2010. - 208 с.
- Рогожин Н.М. А.Л. Ордин-Нащокин / Н.М. Рогожин // Международная жизнь. – 1999. – N8. – С. 104-112.
- Рогожин Н.М. Начальники Посольского приказа / Н.М. Рогожин // Родина. – 2002. – N9. –С. 22-24.
- Савинов А. Блудные сыновья и царь Алексей Михайлович / А. Савинов // Знание-сила. – 2007. – N11. – С. 100-105.
- Трапезников А.А. Русские дипломаты / А.А. Трапезников. – Москва: ООО «Издательство РОСМЭН-ПРЕСС», 2004. – 256 с.
- Централизованная библиотечная система города Пскова [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.bibliopskov.ru>. - Загл. с экрана. – (Дата обращения 17.03.2012).

Составитель: Ковалёва О.В.